
Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

СУДЬБА ИНФАНТИЛЬНОГО СОЦИУМА

В статье представлена ретроспектива существующих точек зрения и анализ основных представлений о причинах и проявлениях упадка определенных типов незрелых (инфантильных) социальных организмов.

Ключевые слова: общество, социум, человек, зрелое общество, зрелый человек, инфантильный человек, эволюция, развитие, регресс, человечество.

Вся история ставшего, но незрелого общества состоит из череды сменяющих друг друга социальных организмов – социумов или конкретных обществ, находящихся на разных ступенях развития, соответствующих определенным способам общественного производства или общественным формациям. Ставшее, но незрелое общество имеет в конечном счете две возможности эволюции: 1) достижение состояния зрелого общества и соответственно безграничное существование и развитие общества в пространстве и времени, превращение социальной формы движения материи во вполне зрелую, обладающую признаками вечности и «всюдности», то есть способную к безграничному существованию и распространению во Вселенной; 2) уничтожение общества и локально-земной версии (модели) социальной формы движения материи в результате натурогенных или натуроплагенных причин (например, в результате столкновения с крупным космическим телом или какого-либо иного события космического масштаба и др.) либо в результате «схлопывания», самоуничтожения общества в силу социогенных и социоплагенных причин, в основе которых в конечном счете лежит незрелость или инфантильное состояние развития ставшего общества.

Конкретно-исторически существующие общества или социумы – преходящие социальные организмы, имеющие определенные исторические сроки существования, – возникают в процессе эволюции общества как специфические. Они возникают эволюциони-

ругую и в конце концов исчезают, сменяются другими социальными организмами, стоящими на более высокой ступени эволюции общества, либо возвращаются на более низкие ступени развития ставшего общества – регрессируют.

Социум, достигший высшей точки возможного развития и относительной устойчивости существования в рамках определенного способа общественного производства, принято считать зрелым обществом определенной формации, которое, однако, по причине того, что в принципе не в состоянии обеспечить свое безграничное существование в пространстве и времени, является псевдо- или квазизрелым обществом. Квазизрелое общество непременно имеет конечное, временное существование.

Оно или погибает вместе с другими такими же сосуществовавшими с ним квазизрелыми или не достигшими подобного уровня эволюции социальными организмами – социумами, представляющими другие способы общественного производства, в результате общих для них натуроплаженных причин, либо «схлопывается» в силу внутренних эндогенных причин – его незрелого бытия, либо погибает от воздействия внешних (экзогенных) социальных воздействий (войны, блокады и т. п.). Квазизрелое общество может вместе с другими социальными организмами достигнуть состояния подлинной зрелости. Тогда они перестанут существовать как конкретно-исторические общности, станут зрелым обществом – зрелой формой существования социальной формы движения материи с единым способом общественного производства и общей историей. Возможность и пути становления зрелого общества требуют специального изучения. Здесь же будут рассмотрены социогенные и социоплаженные причины «схлопывания» инфантильного общества, то есть падения и гибели конкретных социальных организмов, вызванного не внешним воздействием, а причинами внутреннего порядка – эндогенными.

В науке существуют несколько основных концепций исторического процесса, в которых анализируются эндогенные причины полного самоуничтожения определенных социальных организмов или перехода их с одной ступени социальной эволюции на другую.

Наиболее разработанными концепциями представляются те, которые рассматривают эти процессы в рамках марксистской теории смены общественных формаций, в парадигме смены цивилизаций или культурно-исторических типов и в модели этногенеза Л. Н. Гумилева. Во всех названных интерпретациях указаны разные причины самоуничтожения социальных организмов, способов производства, цивилизаций, культурно-исторических типов или этносов: несоответствие развития производительных сил производственным отношениям; выведенное на основе эмпирических обобщений, неотвратимо предопределенное прохождение каждой цивилизацией, культурно-историческим типом или этносом последовательных стадий развития, завершающихся их старением и гибелью.

В обосновании причин эволюции в названных концепциях нет единства. Однако наблюдается поразительное сходство в описании поведения людей и состояния конкретных социумов в преддверии кризиса, в разгар последнего и во время катастрофы. Эти описания совпадают с многочисленными свидетельствами далеких от науки современников этих событий и с данными исследователей, не знакомых с названными теориями. Все они однозначно указывают на то, что подобные периоды в истории конкретных социальных организмов сопряжены с ослаблением функций социального контроля и регулирования жизнедеятельности людей теми структурами, которые прежде обеспечивали поддержание жизни и установление порядка в обществе, с падением нравов, интеллектуальных способностей и социальной незрелостью больших масс людей, словом, с деградацией или вырождением человека, ослаблением или утратой людьми качеств, необходимых для нормального человеческого существования.

Точкой отсчета для определения уровня деградации человека обычно без особого рассмотрения принимаются или прежде достигнутый уровень зрелости большинства граждан общества, или субъективные представления о должном уровне развития человека либо абсолютный идеал. Наиболее распространенным является сопоставление образа жизни и поведения людей в период относительно стабильного, спокойного бытия социума и в кризисные и катастрофические времена. При этом часто неопределяемые понятия, такие как «деградация», «вырождение», «дебилизация»,

«варваризация» и т. п. применяются как качественные характеристики без каких-либо количественных измерений этих состояний, то есть субъективно. Объективные основания для подобной оценки найти сложно, поскольку более или менее регулярные количественные измерения – статистика изменения образа жизни и поведения людей – начались недавно. Несмотря на это, даже субъективные наблюдения и свидетельства порой довольно точно схватывают общую картину изменения образа жизни и поведения людей и фактически отражают инфантильное бытие социума – неспособность общества дать адекватный ответ на вызовы времени.

Это время, когда общество утратило способность организовывать с помощью старых методов бытие инфантильных людей, но не сформировало методы, адекватные новой ситуации, вызванной разными натуро- и социоплагенными факторами. Это время, когда верхи не могут управлять по-старому, а большинство не может жить по-другому, без организации их бытия извне.

Все известные авторы единодушно отмечают свойственные этому периоду приметы: ослабление властных структур, социально-политическую нестабильность, моральное разложение, рост преступности, социальный хаос, упадок искусства, утрату традиционных ценностей, отсутствие ясной цели бытия и др. Все это – признаки фрустрации и аномии, свойственные бытию инфантильного социума. Почему это происходит? Разные авторы дают разные ответы, часто связывая причины упадка с одним или несколькими частными факторами: эксплуатацией, личными качествами правителей, утратой пассионарности, заимствованием чужой культуры или технологии, греховностью человека, моральным разложением и т. п.

Социум – это общность или целостность высокого порядка, в нем все взаимосвязано и взаимообусловлено. Действительно, какие-то частные факторы могут стать спусковым крючком, плаггенным фактором, способным вызвать цепь изменений бытия социума, стать катализатором определенных негативных процессов, усилить и ускорить уже имеющиеся тенденции эволюции социума или замедлить и ослабить проявление какого-то результирующего феномена.

В качестве таких факторов могут выступать природные катаклизмы, длительные климатические аномалии, эпидемии, войны и многие другие социальные причины. Научное объяснение процессов эволюции социума должно учитывать все эти факторы в их единстве и взаимообусловленности, иначе мы будем иметь массу разных схем – теоретических конструкций, в некоторых случаях правдоподобно отражающих реальные процессы, но не получим целостного представления и знания сущности происходящих перемен.

Среди авторов, создавших развернутые теории эволюции социальных организмов, наиболее схематично, без углубления в детали, причины и механизм нисходящей ветви эволюции того или иного культурно-исторического типа описывает Н. Я. Данилевский. Глубинная причина гибели социума, по его мнению, коренится в том, что, в принципе, ни отдельный человек из-за кратковременности своего существования реально не может достичь в этом мире совершенства, заложенного в идее человека, ни тем более не может его достичь совокупность людей, представителей того или иного конкретного культурно-исторического типа. Следовательно, они в реальности несовершенны, незрелы. Механизм «одряхления» человека и общества, принадлежащего определенному культурно-историческому типу, по Данилевскому, в сущности, не очень понятен, но в принципе человек из поколения в поколение почему-то теряет «свои превосходные качества»: замечательные люди замещаются «сплошь людьми незначительными». В результате дряхлеет и общественное тело (Данилевский 2003: 155).

В общем, в основе процесса «одряхления» и гибели социума лежит естественная причина ухудшения качеств человека и общества. Вопрос, откуда тогда берутся совершенные существа, которые потом дряхлеют, автор не рассматривает.

Более подробно, однако тоже на основе прежде всего эмпирических наблюдений и аналогий отдельных проявлений изменения образа жизни и поведения людей описывает причины и механизм гибели нисходящей фазы развития культуры – цивилизации – О. Шпенглер.

Данный автор утверждает, что «цивилизации – это наиболее крайние и наиболее искусственные состояния, на которые только

способен человек высшего рода». Однако и он не говорит, откуда берется «человек высшего рода». Шпенглер утверждает о предопределенности гибели цивилизации. Это – судьба, которую нельзя изменить, как нельзя «изменить того, что появилось на свет в качестве людей начинающейся зимы развитой цивилизации...». Именно люди имеют определенные качества, которые и обуславливают гибель цивилизации. Это варвары: «бездельные, безфилософные, лишённые искусства, расовые до зверства, нацеленные на реальные успехи любой ценой», ориентированные исключительно на практическую сторону бытия. «Дух культуры» присущ чрезвычайно узкому кругу лиц и не влияет существенно на эволюцию цивилизации. Поворот общества к цивилизации – это «климакс культуры». Он характеризуется угасанием живой внутренней религиозности, исчерпанием душевной плодовитости. В это время на место творческого порождения приходит бесплодность и стереотипная конструкция, угасают искусство и действенные общественные формы, философские системы и вообще великий стиль жизни. Наступает время телесной бездетности. Человек этого времени превращается из народа в массу, чернь – в завсегдаев театров и увеселительных мест, поклонников спорта, модной литературы, бульварных газет. Массы принципиально отвергают культуру с ее органическими формами. Это нечто абсолютно бесформенное, преследующее любого рода форму, всякое упорядоченное знание. Масса – четвертое состояние, которое всецело утрачивает свои корни, не признает своего прошлого и не обладает будущим. «Масса – это конец, радикальное ничто» (Шпенглер 2004: 52, 53, 69, 378). На этой стадии бытия общества «умствование» заменяется интеллектуальной проституцией. Здесь апеллируют не к лучшим, а к большинству. Великие решения, замешанные на смысле культуры – целостности социального организма – больше никто не приемлет. Начинается время господства бессмыслицы, зоологического существования. Здесь судьбоносные проблемы бытия превращаются в борьбу за власть, люди не понимают причин происходящего и теряют смысл существования. Такой социум перестает быть субъектом истории и гибнет либо становится объектом истории других культур, других социумов (Шпенглер 2004). Это период «одичания всех жизненных обыкновений».

Наблюдается упадок политической формы. На место опытных руководителей приходит кто попало. Правящее меньшинство деградирует. Власть электората становится ничтожна. Бесформенная и беспомощная масса избирателей благодаря демократическим правам фактически упраздняет демократию. Власть концентрируется в руках людей, обладающих деньгами. Через СМИ, образование и действия массы удерживаются в железных тисках. Выборы превращаются в комедию.

Общество утрачивает жизнеспособность и погибает. Фактически изображая траекторию эволюции цивилизации на ее завершающем этапе, Шпенглер рисует картину бытия инфантильного общества инфантильных людей.

А. Тойнби пошел дальше своих предшественников в понимании некоторых эндогенных причин гибели цивилизации. Среди них – специализация бытия народов, организация социального отбора подходящих для этого людей и установление за ними жесткого надзора. Слишком хорошо адаптированные к специфическим условиям существования виды живых организмов оказываются в тупике эволюции и не имеют будущего.

Другой важной причиной тупиковой эволюции является, по мнению Тойнби, постоянно нарастающий разрыв между творческим меньшинством – «солью земли», которое генерирует развитие материальной цивилизации, и относительно и абсолютно увеличивающимся количеством инертного, нетворческого большинства, которое «все еще остается на том же интеллектуальном и моральном уровне, на котором пребывало до того, как начали появляться новые титанические социальные силы» (Тойнби 2006, т. 1: 303, 341). «Соль земли» – гении, высшие личности или сверхчеловеки – оказываются исчезающей величиной в массе обычного человечества и утрачивают способность влиять на бытие последних. Простая дрессура обычных людей способна заставить их служить делу прогресса, но этот способ организации бытия инфантильных людей не устраняет опасности надлома цивилизации, поскольку возможна утрата творческой мощи в душах творческих людей.

Тойнби образно описывает ситуацию разрыва единства творческого меньшинства и послушного прежде большинства, но опять же без должного анализа причин этого разрыва. По мнению Тойнби,

творческое меньшинство способно ответить только на один вызов истории. После этого оно почему-то вырождается в «правлящее меньшинство», которое постепенно усваивает ценности, идеалы и образ жизни нетворческого большинства, сливается с ним, деградирует, варваризируется. В результате происходит общее понижение уровня социального развития социума.

На этот процесс оказывают влияние и другие факторы. К примеру, реальная демократия противоречит требованиям развития творчества, поскольку ограничивает необходимую для этого свободу в целях установления социальной справедливости в обществе, разделенном на две группы: творческую – лидирующую и нетворческую, неравную первой. Равенство ведет к понижению возможностей развития творческих личностей, разделение труда делает человека частичным.

Поэтому и так называемые интеллектуалы также оказываются частичными людьми, как и те, кто живет как деградировавшее до уровня удовлетворения эмпирических потребностей большинство неинтеллектуалов. Представителей и той и другой групп людей Тойнби определяет одним общим понятием – «идиоты» (Тойнби 2006: 72).

На этапе излета эволюции цивилизации одной из главных проблем становится проблема досуга. Он все больше заполняется чувственными, бездуховными удовольствиями, так как развитие науки и техники освобождает человека от необходимости напряженного труда. Ослабление напряжения духовного бытия приводит к деградации человека и общества.

Та же судьба уготована и этническим общностям в концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Согласно этой концепции, этногенез – естественный процесс образования и уничтожения этносов. В какой-то момент в результате некоторых воздействий из космоса на определенной территории планеты начинает концентрироваться пассионарная биогеохимическая энергия – энергия живого вещества биосферы, имеющая эффект пассионарности – непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на осуществление некоторой цели. Пассионарность – природный признак, передающийся генетически. Она кристаллизуется в форме образования этнических систем и культурных ценностей. Поскольку пас-

сионарность дана природой и это просто энергия, то в отношении нее социальные оценки неприемлемы.

«Пассионарность – это эффект энергии, безразличный к добру и злу» (Гумилев 2007: 275, 582). Пассионариев в популяции относительно немного, но они энергичны и существенно влияют на ее бытие.

Другие люди – гармоничные и субпассионарии – характеризуются следующим образом. Гармоничные люди – равновесные особи, хорошо адаптированные к жизни в разных условиях. Это самые надежные люди в этносе, но это люди «золотой посредственности». Это та самая середина, составляющая большинство, или люди статистической нормы, которые являются большинством и на фазе роста, и в спокойное время. На восходящей и стабильной гомеостатической стадии эволюции этноса они являются опорой пассионариев. Пассионарии ведут за собой гармоничных людей, и этнос развивается. Гумилев вместе с тем заявляет, что пассионарием может быть и злодей, который, по идее, может привести этнос к гибели. Однако Гумилев считает, что пассионарии призваны делать только великие «прогрессивные» дела. Субпассионарии отличаются неполноценной адаптацией к среде, паразитизмом, асоциальным поведением, недостаточной заботой о потомстве. У таких людей отсутствуют стимулы к исполнению общественных норм и установок. Они равнодушны к собственному процветанию, их желания и стремления примитивны. Сами они не могут организовать свою жизнь и добиться определенных целей. Когда людей такого типа становится достаточно много, возрастают проявления хаотичности бытия. Они тормозят деятельность других людей, являются балластом для этноса.

Казалось бы, энергичные пассионарии, оставляя после себя больше потомков и передавая им пассионарность, должны способствовать накоплению пассионарной энергии в социуме, но неизвестно почему «после какой-то красной черты пассионарии ломают первичный общественный императив и меняют стереотип своего поведения. Они перестают работать на общее дело, они начинают работать каждый сам за себя» (Там же: 234). Фаза подъема и акматическая фаза, где пассионарии были движущей силой эволюции этноса, сменяются инерционной фазой – фазой стабильного бытия

«тихого времени». Здесь устанавливается этический императив – равные права. Субпассионарии начинают чувствовать себя вольготно. Они быстро размножаются и к концу инерционной фазы уже составляют значительное большинство. И тогда они говорят свое слово! Субпассионарное большинство говорит: «Будьте как мы». Они начинают вытеснять пассионариев и гармоничных людей. Начинается негативный отбор.

Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость во мнениях, а беспринципность. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве наблюдается снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться.

Наступает фаза обскурации – омрачения и затухания этноса. До этой фазы доживают не все этносы. Часто они гибнут еще на стадии инерционной фазы. В фазе обскурации продолжается господство субпассионариев, которые, вытесняя своих предводителей, обрекают себя на гибель. Какая-либо конструктивная деятельность делается невозможной, жажда наслаждений становится нормой существования. Устойчивость такого этноса невысока. Отсутствие пассионарных личностей, индивидуалистические настроения, общее понижение жизненной энергии ведут к тому, что ответы на внутренние и внешние вызовы запаздывают, ослабевают. Чернь распоясывается, делает что хочет, порой даже себе в ущерб, ибо преследует всех, кто не похож на них. Вся жизнь этноса превращается в серию надломов, природная среда расхищается. Социальные кризисы сопровождаются биологическим вырождением народа. Этнос гибнет.

У названных авторов нет строгого научного объяснения причин возникновения и эволюции общества. Для них это предопределенный процесс, не зависящее от воли человека стечение обстоятельств или судьба. Конец бытия этносов, цивилизаций, культурно-исторических типов неизбежен. Что касается жизни людей вида *Homo sapiens*, то она продолжается в других этносах, цивилизациях, культурно-исторических типах. С научной точки зрения эти

концепции слабо проработаны. Но они дают довольно яркую картину бытия инфантильных людей в инфантильном социуме, особенно на этапах, когда этот инфантилизм становится чувственно-зримым – в кризисные периоды бытия социума. Но чем вызвано снижение уровня психического, интеллектуального, нравственного и в целом – социального развития, в чем причина снижения уровня социализации человека, почему процесс снижения уровня социального развития человека и общества становится возможным и необходимым – на эти вопросы авторы ответов не дают, как не дают их и многие другие исследователи, ограничивающиеся описанием явления деградации человека и бытия социума. Таких описаний довольно много. Некоторые из них надо привести, чтобы дополнить данную выше картину.

На бросающиеся в глаза характерные черты, свойственные инфантильным людям и инфантильному социуму во времена упадка Рима, указывает Ортега-и-Гассет: «Еще при Антонинах с имперским населением начало твориться нечто странное... Люди стали глупеть... началась закупорка мозгов, и все... лишь повторяли и тиражировали старое» (Ортега-и-Гассет 2003: 197–198). Этот процесс сопровождался упрощением, примитивизацией языка, его вульгаризацией. Язык стал похож на детский со свойственными последнему ошибками – «младенческий язык», «детский лепет», «убогий язык» (Там же). Ювенал рисовал в своих сатирах реальные картины вырождения римлян поздней империи: «...народ, жаждущий лишь хлеба и зрелищ; поэтов и ученых, пресмыкающихся перед богатыми невеждами; женщин развратных и жестоких; выскочек, пробивавшихся бесчестными путями; сенат, безропотно униженный сумасбродными деспотами» (Штаерман 1966: 257). С огромной силой ужас минувших времен описал Тацит. Он указал, что народ во время гражданской войны в 69 г. н. э. как будто потерял разум.

После гибели Нерона жители Рима, наблюдавшие за борьбой соотечественников, реагировали неадекватно. Видя гибель и страдания людей, сами подвергаясь опасности, «вели себя как в цирке – кричали, рукоплескали, подбадривали то тех, то этих» (Корнелий Тацит 1969: 361). Во время страшной бойни на улицах, насилия над

стариками и женщинами «никому в голову не приходило хоть на минуту отказаться от обычных развлечений; можно было подумать, что в городе праздник. Все ликовали, все захлебывались от восторга...» (Корнелий Тацит 1969: 361).

О падении нравов писали Сенека, Цицерон, Плутарх. Историк Т. Моммзен отмечает, что несколько раньше, во времена распада республики община дошла до стадии полного разложения. Все прежде предосудительное стало дозволенным. Девальвировалась цена труда. Люди работали только для того, чтобы, заработав деньги, потратить их на удовольствия. «Культурные начала сценических и музыкальных увеселений были заранее отброшены». Литература и театр не обращали внимания на нравственность, потому что стали на одном уровне с нравственной испорченностью своей публики и превратились в непрерывную проповедь деморализации. Ослабли семейные узы. На закате Римской республики «мы видим, как она не под давлением внешней силы, а вследствие внутреннего разложения приходила в упадок в политическом, нравственном, религиозном и литературном отношении». В римском мире, который застал Цезарь, было «мало ума... Это был поистине одряхлевший мир...». Императорская эпоха погубила его окончательно. По Моммзену, то же самое в свое время происходило и в Греции. Там во времена упадка резко сократились рождаемость и народонаселение, изменились нравы и даже физический облик людей. Они утратили способность и желание защищать свои дома, обзавелись наемными войсками, потеряли волю к жизни. Все это явилось свидетельством загнивания и причиной гибели этих прежде цветущих этносов, цивилизаций, культурно-исторических типов (Моммзен 1997: 186–189, 678, 680–681, 703).

Так же описывают кризисные моменты бытия любого конкретного социума в любое историческое время непредвзятые историки, объективные свидетели, публицисты и писатели. Их трудами воссоздана эмпирическая образная картина гибели отдельных социальных организмов. В чем же глубинная причина деградации человека и социума, ведущая к его ослаблению и завоеванию соседями либо к его спонтанному «схлопыванию»?

Приведем некоторые суждения на этот счет. По мнению ряда ученых, социум существует только благодаря насилию меньшинст-

ва, организующего бытие его инфантильных членов. Другая точка зрения концентрирует внимание на традиции как на скрепляющей бытие социума силе. «Разрушение традиции в обществе приводит к разрушению данного конкретного общества, делает невозможным его существование». Разрушение традиции переводит социум «в аморфную “социальную материю”, не представляющую собой целого, способного к самоосуществлению (функционированию, воспроизведению, развитию)» (Андреев, Селиванов 2004: 38). Как мы знаем, в традиционном обществе традицию кто-то блюдет, заставляет придерживаться ее с помощью кнута и пряника, то есть принуждением. Без такого принуждения традиционные нормы, обычное право не работают. Значит, опять то же самое. Инфантильное большинство обречено на хаос без насильственной организации. Другими словами, в любой системе, где энтропийные элементы составляют большинство, а неэнтропийное меньшинство не имеет силы контролировать большинство, последнее изводит своих благодетелей (пассионариев) и для социума «наступает то, что и должно было бы наступить – гниение заживо... маразм» (Стариков 2004: 166). Это суждения о традиционных и тоталитарных обществах и их конечном бытии.

А как обстоит дело с современным либеральным обществом? Современная либеральная система организации бытия социума, по утверждению Г. Рормозера, нацелена на бессмысленное материальное воспроизводство, осуществляемое к тому же несправедливым образом. «Либеральный капитализм не чувствует никакой ответственности за то, чтобы дать людям образ будущего, определить перспективу. Его занимает только касса» (Рормозер 1996: 21). Люди же, не имеющие великой идеи, не способны бороться. Либеральные идеи способствовали культивированию индивидуализма, что в свою очередь привело к гедонизму и расшатыванию общества, появлению симптомов внутренней эрозии и даже распада общества из-за утраты ценностей бытия. В мире, лишенном смысла, людей занимает только собственное счастье, хотя в действительности они нередко занимаются просто саморазрушением. Рормозер присоединяется к критике либерализма, данной буржуазному обществу Гегелем и Марксом, которые солидаризировались в том, что

буржуазное общество ответственно за разврат, духовную опустошенность и упадок морали.

Оно «порождает проблемы, из-за которых оно само движется к гибели» (Рормозер 1996: 64). Г. Рормозер полагает, что кризис либерализма, основанного на неограниченной свободе индивидуума, гарантируемой правовым государством, может предотвратить более сильное социальное государство, ограничивающее свободы, чтобы обеспечить вмешательство государства в регулирование бытия социума. Вслед за Гегелем Рормозер считает, что спасением для либеральной системы может стать «нравственное государство» или социальное государство, способное обеспечить всем высокий уровень жизни, а следовательно, и возможность преодолеть порождаемое стихийным рынком неравенство шансов развития человека.

Похожее объяснение кризиса либерального капитализма дает Д. Белл, полагающий, что буржуазное общество, как интегрированное целое, прежде было пронизано единой системой ценностей. Капиталистическая цивилизация достигла апогея в XIX в., а затем была подорвана самим же капитализмом, который, пропагандируя массовое потребление, внедрил гедонистический образ жизни, что обернулось разрушением протестантской этики, ослаблением моральных норм, уничтожением всех признаков трансцендентной этики (абсолютных норм) и грозит капитализму самоуничтожением. Белл считает, что «качество жизни в любом обществе в значительной мере определяется качеством его управления. Общество, не выдвигающее лучших людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно». Спасение капитализма в том, чтобы «принцип меритократии получил распространение в деловых кругах и государственном аппарате». Правление лучших является «необходимым основанием для продуктивного – и культурно развивающегося – общества» (Белл 1999: 613–614).

Современное либеральное индивидуализированное общество дезинтегрировано, как дезинтегрирована и жизнь отдельного человека. Фрагментированность человеческого существования, с одной стороны, и стремительное усложнение экономических процессов – с другой, является основной причиной того, что «современное общество пропитывается антигуманизмом. Человек не ощущает себя

личностью, способной контролировать ситуацию. Социум становится неустойчивым и неспособным к самоорганизации. Хаотичный и непредсказуемый образ жизни порождает разрушительные социальные тенденции, общество становится обществом риска. В другой книге З. Бауман утверждает, будто такое положение связано с тем, что в современном обществе, получив права и свободы «де-юре», люди в своем большинстве еще не стали индивидуумами «де-факто», то есть подлинными субъектами своего бытия в обществе (Бауман 2008: 47, 59–60).

Бауман связывает преодоление данной ситуации с выработкой и внедрением государством новых этических правил. Однако Иноземцев выражает сомнение в том, что буржуазное государство и его политика могут осуществить такую программу. Вопрос о будущем капиталистического общества остается пессимистичным.

На превышение уровня дезорганизации, деструкции как на причину разрушения существования современного общества обращает внимание А. С. Ахиезер (2006: 128–130).

Другие авторы называют иные причины деградации современного общества.

К. Поланьи считает, что либеральная модель свободного рынка не есть продукт спонтанного органического развития общества, а очередная утопия, проект преобразования общества, который сознательно насаждался и внедрялся вопреки протестам и сопротивлению народов и в целом – вопреки потребностям бытия социума, то есть он является некой химерой или антисистемой, не имеющей будущего (Поланьи 2002: 148, 177).

Та же участь уготована и другим инфантильным социумам. С. Г. Кара-Мурза считает, что «демонтаж» СССР произошел в результате информационно-психологической войны, которая размонтировала «центральную матрицу» мировоззрения граждан СССР, в силу чего население утратило целостную систему ценностных координат. Народ превратился в «россыпь» людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. «Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей» (Кара-Мурза 2007: 9), что поставило под вопрос дальнейшее существование не только СССР, но и современной России.

Академик В. П. Казначеев (Академия медицинских наук) с соавторами, конкретизируя этот процесс главным образом с естественно-научных и медицинских позиций, пишет, что российский этнос вступил в фазу увядания, которая представляет собой глобальную модель будущего других этносов и их цивилизаций.

Это увядание обуславливается социальной несостоятельностью этноса, разрушением его интеллекта, науки, исторического целеполагания и нравственности поколений, подрывом репродуктивного потенциала и здоровья народа. Россияне и другие народы входят в эпоху нарушения биосоциального отбора и распространения биологически, психологически и генетически ослабленных особей (Казначеев и др. 2002: 301–305, 312). О глобальном процессе увядания свидетельствует и С. Хантингтон. Завершая свое капитальное исследование «Столкновение цивилизаций», он констатирует: «В 1990-х гг. накопилось немало доказательств в пользу актуальности парадигмы “сущего хаоса” в международных отношениях: глобальное пренебрежение к закону и порядку, обанкротившиеся государства и нарастающая анархия во многих частях света, глобальная волна преступности, транснациональные мафии и наркокартели, увеличение употребления наркотиков во многих странах, общий кризис и упадок семьи... управление с опорой на вооруженную силу... Основные элементы цивилизации угасают... Кажется, цивилизация... во многих отношениях уступает под натиском варварства...» (Хантингтон 2006: 525).

Это впечатление усиливается в связи «с нарастанием в каждом новом поколении процентной доли инфантилов» – свидетельства начинающейся агонии и гибели (Бестужев-Лада 2003: 43), поскольку «торжествующее хамство несовместимо с всемирно-историческими задачами» (Булгаков 1999: 201) – становлением зрелого общества. Все это свидетельствует о «поджидающем человечество беспрецедентном явлении – наступлении глобальных темных веков» (Хантингтон 2006: 527).

Относительно локальных цивилизаций выводы тоже неутешительны. Модель бытия общества, которую олицетворяет Америка и желает навязать всему миру, представляет собой безумие, абсурд в чистом виде. Здесь спасатель заинтересован в том, чтобы было больше катастроф, врач – больных, полицейский – преступлений, политик – инфантильных, манипулируемых подданных, гробов-

щик – смертей, военный – вооруженных конфликтов и т. д. Америка «демонстрирует уровень вырождения общественной жизни» (Кьеца 2006: 77). «Время Запада действительно на исходе, – считает П. Дж. Бьюкенен, – его смерть predetermined обстоятельствами... Спасти его может только возрождение веры и “всеобщее пробуждение”» (Бьюкенен 2007: 363).

Россия тем более «не готова принять и понести культуру нового тысячелетия», – полагает А. Ровнер. Для того, чтобы спасти человечество, нужны сильные антиэгалитарные и антиолигархические движения в странах Запада, в мусульманском, индийском и китайском обществах. Но выполнение такой программы немыслимо в ситуации всеобщего разложения, поскольку врагами этого направления развития «являются сегодняшние правители и разложенная ими толпа» (Ровнер 1996: 116–117).

Знакомство с приведенными выше концепциями, мнениями и пророчествами позволяет предположить, что их авторы в лучшем случае осознают остроту проблемы будущего бытия человечества, понимают катастрофичность инфантильного бытия общества инфантильных людей, исследуют некоторые реальные причины, порождающие тревожные тенденции дальнейшей эволюции общества, однако в силу разных причин не имеют четкого представления о всем многообразии натуро- и социоплаженных, натуро- и социогенных факторов бытия человека и общества, об их взаимосвязях и взаимообусловленности, а потому и не поднимаются до понимания сущности рассматриваемого феномена и не могут предложить поистине действенные и реальные пути изменения ситуации – преодоления незрелого состояния бытия человека и общества. Сказанное выше справедливо и относительно сетований застрельщиков перестройки в конце 80-х гг. XX в. в СССР, изображавших эмпирические картинки бытия советского социума, которые сродни современным (в человеческом измерении).

В большей мере, чем всем другим авторам, удалось продвинуться в осмыслении сущности данной проблемы П. А. Сорокину. Ему принадлежит лучше других разработанная, наиболее целостная на сегодняшний день интерпретация факторов, обуславливающих процессы физического, психического, интеллектуального, нравственного и в целом социального развития человека и причин деградации человека и общества. В своих исследованиях П. А. Со-

рокин пошел по пути синтетического рассмотрения проблемы всестороннего развития человека, используя данные, накопленные всеми науками о человеке и обществе. В своих исследованиях Сорокин рассматривал не только социальные, но и естественные факторы, обуславливающие развитие человека: космические, географические, природно-климатические, биологические (физиологические, генетические, соматические). При этом каждое выдвигаемое теоретическое положение Сорокин стремился обосновать и верифицировать теоретическими и конкретными данными смежных наук. Поэтому его концепция, в отличие от его предшественников и многих современных исследователей, замыкающихся на отдельных сторонах проблемы и часто прибегающих к неким мистическим объяснениям целостного процесса эволюции человека и общества, является научно более обоснованной.

Учитывая все названные выше естественные и социальные факторы, обусловившие эволюцию человека и общества, Сорокин приходит к взвешенной оценке современного состояния развития человека и общества и перспектив их дальнейшей эволюции. Также он считает, что в силу того, что на протяжении всей истории существования человека люди в той или иной мере испытывали дефицит продовольствия и всех необходимых элементов для сбалансированного питания, находились в состоянии абсолютного или дефицитного голодания, они не имели в силу этого естественных предпосылок для полноценного физического, психического, интеллектуального, нравственного и социального развития. Это состояние усугублялось и другими естественными факторами: многие этносы проживают в природно-климатических условиях и экологической среде, неблагоприятных для оптимального развития. Вся история человечества – постоянные войны, военные конфликты, кровавые бунты и революции, которые не только уничтожают созданное человеческим трудом материальное богатство и достижения человеческого разума, являющиеся объективной основой развития человека и общества, но и обуславливают негативный социальный отбор, в результате которого погибали в основном лучшие представители рода человеческого, а выжившие давали по сравнению с погибшими более слабое во всех отношениях потомство, что существенно влияло на генофонд человечества. Ухудшение наследст-

венных качеств обуславливается и снижением рождаемости, уменьшением влияния естественного отбора на генофонд человека.

С ухудшением генофонда связаны, по мнению Сорокина, и другие социальные факторы: рост городов и скученность населения неблагоприятно влияют на психическое состояние, увеличивают количество и интенсивность стрессов, социальное неравенство и другие факторы обуславливают рост количества отклонений в психическом развитии. Социальное расслоение влияет на возможности получения образования и соответствующего воспитания – освоение нравственных и правовых норм, а в целом – на социальное развитие (Сорокин 1997).

Все это в конечном счете явилось причиной того, что человечество вступило в наиболее критический период своего существования на Земле; из-за несовершенства человека и общества под вопросом оказалась возможность их дальнейшего бытия. Научно обосновав причины, приведшие человека и общество к современному состоянию, эмпирическую картину этого феномена Сорокин рисует теми же красками, теми же словами, как изображали человечество и конкретные социальные организмы в их кризисные времена другие авторы. Сорокин полагает, что современное западное общество, а теперь практически и все человечество переживает чувственный тип развития культуры, или «чувственный период» развития общества. В таком обществе преобладает непосредственное чувственное восприятие действительности. Чувственная фаза развития социума и других общностей людей – состояние их упадка, «трагическое зрелище начавшегося распада» (Там же).

Сорокин полагает, что во всякой целостной системе все взаимосвязано. Изменение одного фактора неизбежно влечет изменения во всей системе. Поэтому то, что происходит в современном искусстве, особенно наглядно демонстрирует, как деградирует человек и общество. Если прежде героями литературы были Мадонна, Святой Дух, апостолы и святые, затем – благородные рыцари и другие великие герои, то в чувственном обществе и его литературе их место заняли люди заурядные: купцы, слуги, элегантные придворные, ремесленники и т. п.

Затем им на смену пришли прохвосты, преступники, банкиры, проститутки, несчастные и покинутые, патологические типы, убийцы, мошенники, вымогатели, лицемеры, подлецы, развратни-

ки, идиоты. Позже эта галерея стремительно пополняется букетом более отвратительных и более низменных типов, буквально подонков и отбросов общества, патологичных или близких к патологии. Создается впечатление, что эти люди – постояльцы сумасшедшего дома. «Не только искусства, но практически все основные части культуры: наука и философия, право и мораль, формы социальной, политической и экономической организации – все они тоже изменяются синхронно и в одном и том же направлении» (Сорокин 2006: 281).

Предметом, объектом их исследования становятся «обычные люди», те, кто стал персонажами соответствующей литературы. Даже великие люди, гении низводятся до какого-либо «комплекса», с тем чтобы, превратив их в чудаков и идиотов, самим выглядеть «нормальными». Словом, «чувственное общество... достигло крайней точки моральной деградации и сейчас трагически расплачивается за свое безрассудство. Его хваленый утилитаризм, практицизм и прагматическая целесообразность обернулись самой непрактической и неутилитарной катастрофой... Отсюда и трагедия самого человека чувственного общества. Лишая человека всего божественного (абсолюта и категорического императива. – Ю. О.), чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего никакой святости... Освобожденный от всех запрещений сверхчувственных ценностей, чувственный человек как самоубийца убивает чувственного человека... Чувственная система в целом разбивается на куски и исчезает... Таким должен быть приговор в отношении настоящего кризиса» (Сорокин 2006: 433). Этот приговор особенно убедительно звучит для жителей России, которые на коротком отрезке времени могли воочию убедиться, что именно так происходил переход от советского общества к «чувственному обществу» современной России.

Сорокин считает, однако, что теперешнее разрушение чувственной формы общества никак не тождественно концу западной культуры и общества (Сорокин 1992: 504, 433). То есть современный кризис западной культуры подобен кризисам чувственного общества Рима, Египта и т. п.

Дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали поведение индивидов и управляли

ими, в наше время аналогична тем, которые происходили «во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого...» (Сорокин 1997: 29). Сорокин не видит качественного отличия современного кризиса человечества, ставшего, по сути дела, глобальным, планетарным, от прежних сугубо локальных кризисов отдельных социумов, пусть даже и громадных империй. Сорокин, как и другие исследователи, полагает, что как гибель прошлых социальных организмов, так и современный упадок западного общества и человечества «обусловлен главным образом истощением ограниченного запаса созидательных сил, которым каждый из них потенциально наделен» (Там же: 105). Сорокин считает, что каждый «социокультурный порядок» как тип общественной организации «имеет ограниченный запас творческих возможностей», другими словами, определенные пределы развития. Однажды достигнув этих пределов, он утрачивает потенциал развития на своей собственной основе или «становится творчески бесплодным». В силу этого наступает дезинтеграция. Дезинтеграция означает не только «конец предшествующей системы, но и конец творческой активности людей, жизнь которых связана с этой системой». Система, прекращая свое существование, становится просто материалом для других великих цивилизаций и культурных систем, а ее народ превращается в «этнографический человеческий материал», который будет поглощен и использован другими, более творческими обществами и народами (Там же: 105–107). Человечество продолжает существовать и развиваться на другой основе, в других формах социальной организации.

В такой трактовке сорокинская концепция мало чем отличается от концепций его предшественников.

Она близка и интерпретации, приписываемой Э. Фроммом К. Марксу, который, якобы следуя за Гегелем, рассматривает человека первобытного, средневекового и индустриального общества одновременно и как «больного», и как «не больного», как человека, находящегося в процессе покорения природы и создания общества и в процессе социального созревания, в ходе которого человек должен стать зрелым человеком, а общество – «полностью человеческим». Все иррациональное в прошлом, как это ни прискорбно, является рациональным настолько, насколько оно было необходимым. Сорокин тоже считает, что человек возник отнюдь не в ан-

гельском облике, а скорее в зверином и в течение всей своей эволюции путем проб и ошибок, стихийно, наугад, без какого-либо целеполагания прогрессировал, совершенствовался; но на этом пути не исключена и гибель человечества (Сорокин 1992: 155). Получается, что в своем развитии человек и общество проходят разные этапы, которые можно назвать различными ступенями зрелости социальных систем и соответственно человека.

Но относительно зрелого общества зрелых людей – это состояние квази- или псевдозрелости. Эти этапы эволюции имеют пределы для развития человека и общества, испытывают дезинтеграцию и в конце концов сменяются другими, дающими простор для дальнейшего развития.

Фромм продолжает, что «когда человечество останавливается на стадии развития, которую оно должно было бы пройти, когда обнаруживается, что оно находится в противоречии с возможностями, которые ему предлагает историческая ситуация, тогда способ его существования является иррациональным или, по терминологии Маркса, патологическим» (Фромм 2005: 238).

И будущее общества и человека зависит от того, как они это патологическое состояние преодолевают и смогут ли преодолеть. Сорокин полагает, что у человечества есть выход из создавшегося положения. Тупик, в который попали человек и общество настоящей чувственной эпохи, можно преодолеть, если вновь перейти к идеациональной этике и праву, к новой абсолютизации и универсализации ценностей общества (Сорокин 1992: 504), которые должны способствовать обузданию чувственного человека и его «гуманизации», формированию человека, способного контролировать себя и свои желания, понимающего и ищущего вечные ценности бытия общества, глубоко осознающего свою ответственность в мире, и в конечном счете перейти от покорения природы и контроля над ней к контролю над самим собой (Он же 2006: 794). С этим трудно не согласиться. Весь вопрос в том, как это осуществить.

Сорокин предлагает некоторые конкретные действия, направленные на улучшение генофонда человека, повышение его интеллектуальных способностей, совершенствование социализации человека путем улучшения системы воспитания и образования. Эти практические меры представляются вполне разумными. Но их

осуществление предполагается в рамках существующей социальной организации, существующего общественного способа производства, которые, по утверждению самого же Сорокина, исчерпали возможности своего творческого развития, завели общество в тупик и являются, по сути дела, квазизрелыми, не способными обеспечить полноценное развитие человека и общества. Переход от одной социальной системы к другой предполагается эволюционным путем, путем изменения сознания людей. Кто и как это сделает в разложившемся обществе? На эти вопросы у Сорокина нет ответов. Видимо, ощущение невозможности осуществления таким путем возрождения человека и человечества и осознание бесперспективности человеческого существования стали причиной ухода Сорокина в конце жизни от активной научной деятельности и обращения к вере как единственному чудо-средству, которое спасет мир.

Сорокин, признавая принцип развития определенных социальных суперсистем от детства к зрелости и смерти и реальность перехода от одной ступени развития к качественно иной форме социального бытия, был ярким противником революционных проектов изменения бытия человека и общества.

В свое время, активно участвуя в революционных событиях в России 1917–1918 гг., он наблюдал и на себе испытал все ужасы этого страшного катаклизма, придя к убеждению в том, что революции – это «худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс... Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение...» (Сорокин 1992: 270).

Рассматривая революцию в России и постреволюционное развитие СССР в 20–30-е гг. как якобы реальное воплощение марксизма и коммунизма, Сорокин стал ярким антикоммунистом и фактически игнорировал социальную теорию марксизма. Тем самым он ограничил спектр возможных альтернатив социального развития и обрек себя на творческое бесплодие в решении проблемы возможности преодоления социальной незрелости человека и общества.

У Сорокина были веские основания неприятия марксизма. Дело в том, что для марксистской теории свойственна переоценка состояния зрелости человека. Несмотря на декларации о том, что зре-

лый человек находится в состоянии становления и что коммунизм как зрелое общество будет обществом поистине зрелых людей, марксисты полагали, что человек XIX–XX вв. вполне созрел для того, чтобы принять коммунистическую теорию, если изменить форму собственности – передать средства производства трудящимся и установить власть народа, то люди в своей массе готовы жить по-новому: принять, интериоризировать ценности и нормы бытия нового общества. Маркс даже полагал, что общинная организация и общинный крестьянин могут стать прообразом нового общества. Но ведь общинная организация и капиталистический способ производства – это способы организации бытия инфантильных людей, людей несвободных, людей, каждый шаг которых должен строго контролироваться.

В реальности, свершив государственный переворот и провозгласив ориентацию на коммунистический путь развития, вожди революции столкнулись с массой проблем, обусловленных незрелостью народных масс, с отсутствием понимания происходящего и неспособностью этих масс сознательно жить по-новому. К этому пришлось принуждать силой. А поскольку в революцию Россия вступила в условиях заметного снижения уровня благосостояния, а затем погрузилась в хаос нищеты и разрухи, то большевикам пришлось ужесточить механизм редистрибуции и усилить тоталитарные методы организации бытия общества.

Решая проблемы текущего выживания социума, они тем самым провоцировали усиление социоплагенных факторов инфантилизации человека и общества. Общество-кентавр, национализировав собственность на средства производства и наладив жесткую редистрибутивную систему, в конечном счете смогло обеспечить населению медицински обоснованную норму питания как необходимую предпосылку для дальнейшего нормального развития человека.

Были осуществлены и другие необходимые для этого меры: развернуто жилищное строительство и улучшение бытовых условий существования людей, налажены медицинская помощь, система дошкольных воспитательных учреждений и хорошее качество школьного и высшего образования и др. Однако все это осуществлялось при том условии, что человек оставался, по существу, средством осуществления воли узкого руководящего слоя, при условии строгого ограничения свободы действия, подавления какого-либо инакомыслия, критического осмысления происходящего.

Словом, инфантильный народ силой загоняли в «рай» (Бердяев 2002: 294–295), представление о котором было весьма смутным. Практика строительства нового общества осуществлялась не на базе глубокого научного понимания всей сложности проблемы становления зрелого человека и общества, а на основе извращенного идеологизированного под влиянием специфики бытия российского общества марксизма. Все это делалось интуитивно, на ощупь, как реакция на требования пропагандистских лозунгов или под давлением каких-то иных обстоятельств и потребностей решения сиюминутных задач. И если так стихийно могли осуществляться все прежние революции и вызванные ими преобразования жизнедеятельности общества, то коммунистическая революция и создание зрелого общества могут осуществляться только людьми, которые ясно представляют себе цели и средства его реализации. И это должны быть зрелые люди.

Народ оставался средством манипуляции в ходе революции и социалистического строительства. Это и дало повод Н. А. Бердяеву назвать такой способ «воспитания» и «развития» человека «скотоводством», а Ф. Степуну – «животноводством». Навязанные извне ценности и образ жизни, не соответствующие реальному материально-техническому и экономическому базису общества, рухнули, как только было ослаблено тоталитарное давление правящей партии, и страна погрузилась в хаос и анархию инфантильного бытия социально незрелых масс. Неудачная попытка преодоления инфантильного бытия социума под знаменем коммунизма обернулась трагедией не только для народов СССР, дискредитировала идею социализма и сам марксизм как теорию и оправдала в известной мере оценку негативных факторов революции П. Сорокина, но и создала массу проблем и повысила риски существования для всего человечества.

Если в прежние времена подобная дезинтеграция конкретного социума не распространялась далее определенного региона и в известной мере осуществлялась в ближайшем окружении, то в современных условиях ситуация коренным образом изменилась. Технологическая мощь и военный потенциал многих современных государств, способные влиять на планетарные естественные процессы, изменять глобальную экологическую ситуацию на Земле и в принципе уничтожить жизнь на планете, в условиях социального хаоса,

аномии и фрустрации человека представляют чрезвычайную угрозу для существования человечества. Созданные человеком боевые химические, биологические, электронные, ядерные, термоядерные и другие технические средства, попадая в руки незрелого человека, могут быть целенаправленно (милитаризм, терроризм), по недосмотру, незнанию или каким-то другим причинам использованы во вред всему человечеству, жизни на Земле. В этих условиях существование человечества все больше зависит от случая, от стечения разных неконтролируемых обстоятельств. Бытие человечества и социальной формы движения материи на планете становится заложником массы незрелых, инфантильных людей. Влияние отдельного конкретного человека на ход истории эволюции социоприродного Универсума неограниченно возрастает. В этих условиях дальнейшее бытие человека и человечества становится все более проблематичным. Вероятность самоуничтожения, «схлопывания» социальной формы движения материи на планете многократно увеличивается. Мрачные пророчества в любой момент времени могут стать реальностью. Судьба человечества становится все более определенной.

Получается, что развитие общества действительно приближается к известному финалу. Вся история существования общества дала М. К. Мамардашвили повод сделать следующий вывод: «Мы оказались инфантильными. Мы... ничего не знаем о себе, потому что о себе мы можем узнать только на ответственном поле деятельности, где к человеку возвращаются последствия его действий и поступков. Мы живем в ситуациях, когда никакая мысль не прививается... потому, что додумывание ее до конца ставит под вопрос нас самих. И никогда не извлекаем опыт» (Мамардашвили 1990: 62). С этим выводом можно согласиться отчасти. Сегодня наиболее зрелая часть человечества имеет возможность реально оценить последствия действий человека в природе и обществе и до конца додумать возможные следствия своей деятельности, увидеть реальные перспективы эволюции социоприродного Универсума. А это уже немало. У общества есть все материальные средства для коренного изменения своего бытия. Дело за малым(?) – сделать идею становления зрелого человека и общества реальной целью жизнедеятельности людей и воплотить ее в жизнь (Олейников 2010).

Литература

- Андреев, А. П., Селиванов, А. И. 2004. *Русская традиция*. М.: Алгоритм.
- Ахиезер, А. С. 2006. *Дезорганизация – категория социальной философии*. М.: ИФ РАН.
- Бауман, З. 2008. *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Белл, Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования*. М.: Academia.
- Бердяев, Н. А. 2002. *Смысл истории. Новое средневековье*. М.: Канон +.
- Бестужев-Лада, И. В. 2003. *Альтернативная цивилизация*. М.: Алгоритм.
- Булгаков, С. Н. 1999. *Христианский социализм. Споры о судьбах России*. Новосибирск: Наука.
- Бьюкенен, П. Дж. 2007. *Смерть Запада*. М.: АСТ.
- Вишневский, А. Г. (ред.) 1989. *В человеческом измерении*: сб. М.: Прогресс.
- Гумилев, Л. Н. 2007. *Струна истории. Лекции по этнологии*. М.: Айрис-Пресс.
- Данилевский, Н. Я. 2003. *Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. М.: Известия.
- Казначеев, В. П., Акулов, А. И., Кисельников, А. А., Мингазов, И. Ф. 2002. *Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века»*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.
- Кара-Мурза, С. Г. 2007. *Демонтаж народа*. М.: Алгоритм.
- Корнелий Тацит. 1969. *Историки Рима*: сб. М.: Наука.
- Кьеза, Дж. 2006. *Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния*. М.: ЭКСМО.
- Мамардашвили, М. К. 1990. *Как я понимаю философию*. М.: Прогресс.
- Моммзен, Т. 1997. *История Рима*. Т. 1–3, 5. СПб.: Наука.
- Олейников, Ю. В. 2010. *Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы*. М.: Перспектива.
- Ортега-и-Гассет, Х. 2003. *Восстание масс*: сб. М.: АСТ.

Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. М.: Алетейя.

Ровнер, А. 1996. *Третья культура*. СПб.: Медуза.

Рормозер, Г. 1996. *Кризис либерализма*. М.: ИФ РАН.

Сорокин, П. А.

1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Наука.

1997. *Главные тенденции нашего времени*. М.: Наука.

2006. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель.

Стариков, Е. Н. 2004. *Общество-казарма от фараонов до наших дней*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Тойнби, А. 2006. *Исследование истории*: в 3 т. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Фромм, Э. 2005. *Революция надежды. Избавление от иллюзий*. М.: Айрис-Пресс.

Хантингтон, С. 2006. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Шпенглер, О. 2004. *Закат Европы*. М.: Айрис-Пресс.

Штаерман, Е. М. 1966. *Светоний и его время*. В: Гай Светоний Транквилл, *Жизнь двенадцати цезарей*. 2-е изд. М.: Наука.